

Глава 1. Четверо стариков

С того самого дня, как я осознал себя демоном, у меня была лишь одна цель — стать бессмертным.

Я грезил о том, чтобы, подобно немногим избранным, достигнуть Дао и купаться в лучах всеобщего почтения. Увы, талантами я не блистал: почти триста лет ушло лишь на то, чтобы обрести человеческий облик. Последующие пять веков практики и вовсе не принесли плодов. Терпя насмешки от сородичей и желая досадить обитателям пруда — а эти цветочные духи горделивы сверх всякой меры, — я плюнул на мирскую суету и заперся на пике Яоцзи.

Там, в полном уединении, я упорно совершенствовался целую тысячу лет.

И вот свершилось. Я стал бессмертным. Всё шло своим чередом.

Первым делом мне захотелось навестить в родную пещеру Шуйин, чтобы предстать перед старыми приятелями во всём блеске. Оседлав призванное облако, я легко покинул пик, ставший мне домом на целое тысячелетие.

Пещера Шуйин, Лунное горное ущелье.

Склоны здесь густо оплели изумрудные лозы. С горной вершины сбегал чистый ключ; его струи, пробиваясь сквозь цветочные заросли, мерно капали на поросшие мхом камни. В лунные ночи холодный свет замирал у истока горного потока, играя на воде призрачными бликами.

Это был истинный рай для духов цветов.

Прошла тысяча лет, но, ступив на знакомую тропу, я не заметил перемен. Ручей в ущелье всё так же весело журчал, а в пруду полыхали алым пламенем бесчисленные лотосы.

Прослышав о моём успехе, многие духи устремили на меня полные зависти взгляды, отчего я невольно приосанился. Однако на белом камне у воды лежал один тип, которому до моего триумфа не было ровным счётом никакого дела. Он лишь лениво кивнул, едва удостоив меня ответом.

Опершись на локоть, он медленно пропускал сквозь пальцы пряди распущенных волос, спускавшихся к самым ключицам. Шелковистая кожа цвета топленого молока, точёный нос и вечно прищуренные, изысканные глаза — его облик был пугающе прекрасен. В этом темно-зелёном взгляде плескалось опасное очарование, свойственное истинным демонам.

Звали его Фэнхуа.

— Подумаешь, какой-то мелкий чин, — бросил он, лениво поправляя волосы и даже не глядя в мою сторону. — Ну, стал ты бессмертным, так сил у тебя теперь меньше, чем у иного демона. Чем тут хвастаться?

Я его терпеть не мог.

Встретившись с ним взглядом, я изо всех сил старался сдержать гнев, но слова всё равно вышли язвительными:

— Как бы там ни было, с сегодняшнего дня я — цветочный бессмертный. Такой же, как сам Цин-ди.

— Вот как? Тогда что ты забыл здесь, среди ничтожных демонов? Великий бессмертный Лянь...
— Фэнхуа резко поднялся, одарил меня холодной усмешкой и, развернувшись, скрылся в тени деревьев.

Вслед за ним ушли и многие другие.

Проклятый демон персика! Вечно он ко мне цепляется. Сколько его помню, он ни разу не упустил случая сказать гадость. Чем я ему так не угодил?

К счастью, остались маленькие духи. Они взирали на меня с искренним восторгом, и их розовые мордашки так и льнули ко мне. Какое милое зрелище.

— Брат Лянь, а ты видел Цин-ди? — спросил один из малышей.

— Ну... разумеется, видел, — соврал я. В конце концов, теперь я буду жить в Небесном чертоге, уж там-то мне точно представится случай.

— Я тоже так хочу его увидеть...

В глазах малютки светилась та же надежда, что вела меня когда-то.

Цин-ди, бог Весны.

Почти каждый цветочный дух почитает его как высшее божество, и я не был исключением. Ещё когда я был простым бутонем, я слышал рассказы о его величии. Говорили, что взгляд его подобен струящемуся шёлку, лик — чистейшему нефриту, а на губах всегда играет теплая улыбка. Любой, кто видел его хоть раз, неизменно подпадал под чары его неземного благородства. Он был воплощением мягкости и изящества; стоило ему пройти по земле, как аромат, исходящий от его одежд, пробуждал всё живое. Одним касанием пальцев он прогонял зимнюю стужу и даровал существам дыхание жизни.

Он был нашим богом.

Признаться, в Небесном чертоге я чувствовал себя деревенщиной, впервые попавшей в столицу. Я глазел по сторонам, едва не сворачивая шею от красоты. Казалось, будь здесь отхожее место, я бы и туда зашёл на экскурсию.

Журавли грациозно парили среди облаков, свежий ветер ласкал лицо, а под ногами раскинулись бескрайние земли. Пролетая сквозь ряды ослепительно белых колонн, я увидел впереди Облачный дворец Пурпурного зенита, сияющий всеми цветами радуги.

Но дальше мне было нельзя.

Небесные законы суровы: тем, кто не внесён в иерархию, вход в главный зал заказан. А я был лишь младшим бессмертным.

Правил в этом месте оказалось слишком много, и я никак не мог к ним привыкнуть. Я твердо усвоил лишь одно: младшим чинам запрещено соваться в обители старших бессмертных. Даже одним глазком взглянуть — и то нельзя.

Неужели я так и не увижу Цин-ди?

Я спросил у божественного чиновника, когда мне позволят предстать перед старшими.

Тот ответил с полным безразличием:

— Всё в руках судьбы. Тебе, мелкому духу, следует усердно практиковаться, а не задавать пустые вопросы.

По сравнению с пещерой Шуйин, Небесное царство казалось напрочь лишенным души. Впрочем, откуда здесь взяться душе, если чувства здесь под запретом?

Дни тянулись серой чередой. В пустоте и скуке пролетел месяц.

Приближался день рождения Цин-ди. Обезумев от безделья, я принялся обивать пороги, умоляя хоть кого-нибудь взять меня с собой на празднество. Тщетно. На меня никто и смотреть не желал.

Но хуже всего была спесь двух стражей у Южных небесных врат. Эти верзилы даже глаз на меня не подняли — лишь презрительно фыркнули и процедили:

— Жалкий выскочка. Мечтать о приёме у Цин-ди — это ли не верх безумия?

Характер у них был похлеще, чем у того демона персика.

Я надеялся найти единомышленников в небесных садах, но и там меня ждало разочарование. Местные праведники взирали на меня как на пустое место, качали головами и вздыхали.

Ну да, они же давно «отреклись от мирского».

— Мы совершенствуемся ради чистоты духа, к чему нам суетные стремления? Советую и тебе усмирить гордыню, — изрёк бессмертный Баньян, чья практика насчитывала пять тысяч лет. Вид у него был настолько нравоучительный, что меня едва не стошнило от скуки.

Небеса оказались местом давящим и тоскливым.

Я начал раскаиваться. Неужели я столько лет изнурял себя практикой только ради того, чтобы попасть в этот край запретов и ограничений? Разрыв между мечтой и реальностью оказался пугающим.

Я едва не плакал от досады.

Скитаясь в дурном расположении духа, я вдруг услышал какой-то странный шум справа от себя. Пошёл на звук и за углом, в тихом уголке сада, обнаружил четверых седовласых стариков за... игрой в маджонг.

Сидящий сбоку Шоу-син довольно посмеивался, не проронив ни слова. Рядом с ним находился Маожи Синцзюнь, которого я уже видел мельком. Двое других тоже явно были старшими бессмертными, но их имен я не знал.

— Фэн-бо, ну почему ты вечно проигрываешь Шоу-сину? — недовольно проворчал старик с длинной бородой. — Ты же и нас за собой тянешь!

Тот, кого назвали Фэн-бо — старик в тёмно-синих одеждах, — и без того был не в духе из-за поражения, а упрёки и вовсе вывели его из себя.

— Тайшан Лаоцзюнь, постыдился бы! — огрызнулся Фэн-бо. — Весь вечер только и делаешь, что собираешь «чистую масть». Я вообще сомневаюсь, не жульничаешь ли ты, используя магию.

Услышав сомнения в своей честности, Тайшан Лаоцзюнь помрачнел. Он принялся яростно перемешивать кости, засучил рукава и, вытянув очередную фишку, заявил:

— Ха! Если бы я колдовал, ты бы уже и черепицу со своего павильона проиграл!

Шоу-син сухо хихикнул и потянулся за своей костью.

Атмосфера накалялась. У Фэн-бо был скверный нрав; вокруг стола внезапно поднялся резкий ветер.

— Нечего бахвалиться! — прошипел он. — Гляди, как бы ты сам не остался без крыши над своим храмом Саньцин!

Однако удача окончательно отвернулась от Фэн-бо. Он проиграл десяток конов подряд, причем все — Лаоцзюню. Лицо его стало землистого цвета.

В тот же миг в мире смертных разразилась буря. Чёрные тучи затянули небо, и яростный шквал обрушился на землю, вырывая деревья с корнем и превращая дома в руины. Когда всё стихло, внизу остались лишь безжизненные развалины.

Люди часто говорят, что катаклизмы случаются, когда боги гnevаются. Что ж, теперь я убедился в этом лично.

— Всё, не играю! — в конце концов взорвался Фэн-бо.

— Ну чего ты, это же просто игра... — примирительно вставил Шоу-син, хотя в его вечной улыбке явно читалось злорадство.

Маожи Синцзюнь хранил молчание, сосредоточенно мешая кости. Этот умудрялся держаться на плаву: ни выигрышей, ни потерь. Истинное достижение для игрока.

Фэн-бо всё ещё кипел от ярости. Тайшан Лаоцзюнь, поглаживая бороду, подлил масла в огонь:

— И зачем мы только позвали этого старого ворчуна? Каждый раз одно и то же. Ведёт себя хуже того попрошайки Чицзяо Дасяня, который вечно в долг играет.

— Ты меня с этим босяком сравниваешь?! — Фэн-бо едва не задымился от злости. Он вскочил, собираясь уйти, и Шоу-син не смог его удержать.

Вот уж точно: азарт до добра не доводит. Даже богов.

Я усмехнулся и покачал головой. Собираясь уйти, я, видимо, неосторожно задел ветку, и старики меня заметили.

Разъярённый Фэн-бо тут же нашёл на ком сорвать злобу. Он ткнул в мою сторону пальцем и взревел:

— Это ещё что за малец?! Смерти ищешь, раз подсматриваешь за нами?!

Будучи младшим бессмертным, я не мог просто сбежать. Пришлось выйти и поклониться, иначе в Небесном чертоге мне жизни не дадут. Здесь всё устроено точно так же, как у людей: чинопочитание превышает все.

— Маленький бессмертный Лянь приветствует почтенных старших, — я отвесил чинный поклон.

Тайшан Лаоцзюнь благодушно улыбнулся, Маожи Синцзюнь едва заметно кивнул, лицо Шоу-сина, казалось, окончательно застыло в своей маске, а Фэн-бо смотрел на меня так, будто хотел испепелить на месте.

Глядя на стол, я вдруг почувствовал, как в голове созрел дерзкий план. Скука мигом улетучилась.

— Я видел, как вы играли, — начал я. — В мире смертных мне частенько доводилось перекидываться костями, и сейчас у меня так чешутся руки, что мочи нет терпеть.

Судя по всему, играли они на интерес, иначе Фэн-бо не впал бы в такое неистовство. Старики только вошли в азарт, и перспектива «смертного греха» любого игрока — стола на троих — пугала их больше всего. Я решил занять место Фэн-бо.

Тот поначалу упирался, но, взглянув на невозмутимую физиономию Лаоцзюня, сдался.

— Валяй, — буркнул он, уступая место. — Я и так просадил уйму всего, хуже не будет.

Я обещал себе быть милосердным. Но мои оппоненты, кажется, так не считали.

Улыбка Шоу-сина не дрогнула, но его борода уже взмокла от пота. Маожи Синцзюнь молчал, но фишки в его руках становились влажными. Тверже всех держался Тайшан Лаоцзюнь: проиграв несколько крупных конов подряд, он всё так же благостно улыбался, хотя под столом нещадно пинал Шоу-сина.

Фэн-бо, стоя за моей спиной, сиял от счастья. Стоило мне выиграть, как он самодовольно пригладивал бороду и насмешливо скалился в сторону Лаоцзюня.

Старики не хотели признавать поражение, но и продолжать эту экзекуцию им было не вмоготу. Однако никто не желал сдаваться первым.

Что ж, я провёл не одно столетие за столом с цветочными духами. Все хитрости и уловки, придуманные людьми, были мне знакомы и отточены до совершенства.

Я открыл свои кости и едва не ахнул. Какая красота!

— Небесная гармония.

Не успел Шоу-син даже коснуться фишки, как я открыл карты. Старики замерли, раскрыв рты. Выиграть с первого хода — такое случалось крайне редко.

Первым не выдержал Шоу-син. Он бросил кости и заявил, что с него хватит. Остальные двое с облегчением последовали его примеру.

Настал звёздный час Фэн-бо. Он расхохотался, тыча пальцем в своих потных приятелей:

— Тоже мне, мастера маджонга! Спеси-то было... А в итоге и с мелким бессмертным не сладили! Позор на ваши седые головы!

— Помалкивал бы, — огрызнулся Тайшан Лаоцзюнь. — Ты-то сам и вовсе всё продул.

Фэн-бо лишь отмахнулся и протянул руку к своим горе-друзьям:

— Уговор дороже денег. Выкладываете ценности. Или хотите уподобиться Чицзяо Дасяню?

— С чего бы это? Не ты у нас выиграл, — буркнул Маожи Синцзюнь.

Тайшан Лаоцзюнь кивнул и повернулся ко мне. Голос его стал непривычно ласковым:

— Лянь-лянь, проси что хочешь. Только не вздумай потакать этому старому пройдохе...

Фэн-бо предостерегающе зыркнул на меня.

— Ну... я лишь помогал почтенному Фэн-бо, так что выигрыш по праву принадлежит ему, — ответил я. Не хватало ещё нажать врагов в лице четырех сильных богов.

Лицо Фэн-бо смягчилось. Он тут же принялся сгребать подношения: артефакты, свитки, эликсиры... Выглядел он в этот момент как заправский меняла. Довольный донельзя, он подошел ко мне и милостиво объявил, что вознаградит меня за услугу.

Глядя на гору сокровищ в его руках, я ожидал чего-то ослепительного. Но старик порылся в карманах и протянул мне обычную деревянную шпильку, которой только что закалывал свои волосы.

Скупердяй.

Я невольно скривился. Набрал кучу добра, а мне сует какую-то щепку.

Тайшан Лаоцзюнь не упустил момента:

— Обобрал нас до нитки, а парню подсунул обломок дерева. Ну и мелочный же ты, Фэн-бо.

— Много ты понимаешь, старый хрыч! — огрызнулся тот. — Это не просто щепка, а шпилька Управления Ветром. С ней можно летать быстрее самой бури. Через мгновение окажешься хоть за тысячу ли отсюда. Если бы не азарт, я бы её ни за что не отдал!

Всё равно жадина.

Шпильку я, конечно, взял, но пришло время озвучить свою просьбу.

— Благодарю вас, почтенный Фэн-бо. Но... на самом деле у меня есть к вам небольшая просьба.

Старик обернулся:

— Слушаю.

Я глубоко вздохнул и выпалил:

— Послезавтра праздник в честь Цин-ди. Я хочу там быть!

Фэн-бо тут же затряс головой:

— Исключено. Праздник устраивает сам Юй-ди. Даже прислуга там должна иметь десять тысяч лет практики. Куда тебе, мелкому духу, соваться в такое место?

Я принялся виновато теревить края одежды.

— Но ведь... я надеялся на вашу помощь...

— Нет! — отрезал старик.

Что ж, в Небесном чертоге выживает тот, кто умеет быть наглым. Я соорил самую жалостливую мину:

— Почтенный Фэн-бо, мне бы хоть одним глазком взглянуть... Умоляю...

Шоу-син подошел и сочувственно похлопал Фэн-бо по плечу, но тот оставался непреклонен:

— Правила есть правила! Нельзя нарушать порядок ради одного мальчишки!

Остальные трое тоже выглядели озадаченными. Тогда я тяжело вздохнул и с напускным смирением произнес:

— Что ж, тогда у меня нет выбора. Придется доложить Юй-ди, что четверо почтенных старших бессмертных бросили свои посты ради азартных игр. И что из-за гнева Фэн-бо мир смертных едва не погиб под ударами стихии. Думаю, Нефритовому императору будет весьма любопытно это услышать...

Я развернулся, делая вид, что ухожу. Не успел я сделать и шага, как четверо стариков разом преградили мне путь.

Тайшан Лаоцзюнь расплылся в улыбке:

— Ну-ну, Лянь-лянь, зачем же так горячиться? Давай обсудим...

Маожи Синцзюнь закивал:

— Да-да, не надо спешить.

Шоу-син многозначительно ткнул Фэн-бо в бок. Тот, под тяжёлыми взглядами друзей, был вынужден сдаться. Но, прежде чем согласиться, он сердито указал на остальных:

— Ладно, я возьму его. Но вы трое идете со мной! Если случится беда, отвечать будем все вместе!

Решили, значит, пойти на риск сообща.

Я довольно прищурился. А эти старики не так безнадёжны, как кажется.

Пусть Фэн-бо и ворчал, но главное — он согласился.